

К 100-летию Петра МАШЕРОВА

Эмануил ИОФФЕ

Пятнадцать лет во главе Республики

Если вспомнить руководителей Белорусской ССР периода 1919—1991 годов, то по таким критериям, как популярность, авторитет и всенародная любовь, на первом месте, несомненно, окажется Петр Миронович Машеров. Этот человек вошел в историю нашей страны как народный герой, как видный партийный и государственный деятель, один из организаторов и руководителей патриотического подполья и партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, удостоенный двух Золотых Звезд — Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Никто — ни до, ни после Машерова — так долго не возглавлял партийную организацию республики — целых пятнадцать с половиной лет (1965—1980).

Государственный и партийный деятель БССР А. Н. Аксенов отметил:

«Как политический руководитель, Петр Миронович Машеров был, по моему мнению, одним из самых талантливых политических и государственных деятелей, одним из самых достойных руководителей Белоруссии в ее новейшей истории... Он прошел по жизни крупно и масштабно, как и подобает достойным людям, и оставил глубокий и незабываемый след в жизни нашего народа».

Детство и юность

Жизненный путь Петра Машерова начался 13 (26) февраля 1918 года. Он родился в деревне Ширки Сенненского района Витебской области в семье бедняков — Мирона Васильевича Машерова и Дарьи Петровны Ляховской (Машеровой).

Имя Петр ему дали в честь отца матери. Когда младенца крестили, батюшка многозначительно произнес: «Божьей милостью станет великим человеком».

Петр Машеров был выходцем из народных глубин. Из детства ему запомнилась нелегкая поэзия пастушьего труда, учеба в начальной школе, постоянная помощь родителям в их тяжелом труде. Вместе с тем Петр горячо, по-юношески был влюблен в родные места. В семье Машеровых из восьми родившихся детей в живых осталось пятеро: три девочки (Матрена, Ольга и Надя) и два мальчика (Павел и Петр).

Описывая семью Машеровых, писатель Николай Масолов отметил: «Строгий, но справедливый отец — бескомпромиссный в своих взглядах и решениях сельский активист (рано ушел из жизни Мирон Машеров), малограмотная, но с живым крестьянским умом мать, Дарья Петровна, не робевшая перед бедой женщина...»

Старший брат Павел учился в Бугаевской семилетке, в десяти километрах от дома, а Петра решили определить поближе, в Машканскую неполную среднюю школу. Ходил туда мальчик один-одинешенек. Отец смастерил ему лыжи, на которых он пробегал туда и обратно 18 километров в день. Так уж получилось, что в скорости на коньках и лыжах Петру Машерову не было равных. И эти стремительность, легкость в движениях остались на всю жизнь.

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится магнитофонная кассета с записью воспоминаний старшего брата П. М. Машерова — Павла Мироновича, сделанная через год после его гибели — 13 октября 1981 года.

Приведем отрывок из этих воспоминаний: «Как мне удалось привить любовь Петра к профессии учителя? Тут не только моя роль. Большое воздействие оказали многие школы, где он учился. В шестой класс он пошел в Машканскую семилетнюю школу Витебского района. Там ему очень понравился преподаватель математики — фамилии не помню. Видимо, сказалось и его влияние. После окончания педагогического училища я получил направление в школу в деревне Дворищи Россогонского района. Предложил Петру ехать со мной: мол, я буду работать в школе, а ты будешь учиться в седьмом классе, потому что Машканы очень далеко, за 8 километров от дома. Туда очень тяжело добираться, особенно зимой и осенью. Правда, Петр смастерил лыжи и ходил на них в школу. Он с детства любил кататься на самодельных коньках.

Петр согласился. Учитель математики Александр Андреевич Волкович, он же директор школы, передал ему любовь к математике и физике. Он выполнял не только те задания, которые задавались на дом, но и дополнительные.

Когда в 1934 году после окончания семи классов встал вопрос о выборе учебного заведения, Петр сказал:

— Знаешь, Павел, во время учебы в Машканской и Дворищенской школе понравилась профессия учителя...

Договорились, что он будет поступать в Витебское педагогическое училище (ранее педтехникум).

Вскоре Петр вернулся оттуда и говорит:

— Подал заявление на педагогический рабфак. Он в здании училища находится.

— Как — рабфак? — переспрашиваю. — Чтобы поступить туда, надо иметь направление от организации, где работаешь, иметь положительную характеристику.

— А я на летних каникулах хорошо поработаю в колхозе. И мне дадут нужные документы. Заодно к экзаменам подготовлюсь на последний курс рабфака, чтобы через год поступить в пединститут.

Все лето брат трудился в хозяйстве: косил, сушил сено. Выполнял другие сельскохозяйственные работы. Так старательно это делал, что взрослые удивлялись, говорили мне:

— Петр — школьник, а не уступает нам в работе.

Одновременно он настойчиво готовился к вступительным экзаменам. Я давал советы. Подсказывал, какую использовать литературу. Успешно окончив рабфак, через год брат уже учился в Витебском пединституте имени С. М. Кирова. По времени выиграл два года. Очень был доволен, что поступил на физико-математический факультет, а позднее — на физическое отделение.

Будучи студентом третьего курса пединститута, подобрал сильных, выносливых ребят и принял участие в лыжно-стрелковом переходе по маршруту Витебск—Орша—Могилев—Минск, где команда Витебского пединститута, как рассказывал мне Петр, заняла первое место, а он в команде — одно из призовых. Все участники перехода были награждены наручными часами».

Таким образом, в 1935 году Петр Машеров поступает на первый курс физико-математического факультета Витебского педагогического института им. С. М. Кирова.

Во время учебы юноши в этом вузе случилась беда. В декабре 1937 года, ночью, к дому Машеровых подъехала черная крытая машина (в народе ее называли «черный ворон»). В дом вошли незнакомые люди в форме НКВД и сразу обратились к Миرونу Васильевичу Машерову: «Собирайся!» Ничего не объяснив ни жене, ни детям и не дав сказать ни слова, его увезли.

Чуть позже, заполняя личный листок по учету кадров, в сведениях о родителях Петр Машеров напишет: «Отец... изъят органами НКВД, осужден на три года и умер 6 марта 1938 года при отбытии заключения» (Национальный архив Республики Беларусь. Ф.3500. Оп.9. Д.267).

После войны Павел послал запрос о смерти отца. Получили свидетельство о смерти Машерова Мирона Васильевича 20 марта 1938 года от паралича сердца. Отцу было пятьдесят шесть лет... 17 августа 1959 года он был реабилитирован.

Особенно знаменательным в его жизни стал 1939 год. Петр Машеров окончил отделение физики физмата Витебского пединститута им. С. М. Кирова.

Павел Миронович Машеров вспоминал: «По окончании пединститута в 1939 году Петр приехал на каникулы. Он уже был комсомольцем.

— Попросил, чтобы меня направили в Россонский район, к тебе, Павел, — разоткровенничался он.

В то время я работал инспектором районного отделения народного образования. Дали Петру направление в Россонскую среднюю школу (теперь она носит имя Машерова), где он будет преподавать математику и физику ученикам старших классов. Через некоторое время брат неожиданно заявляет:

— Устрою физический кабинет, который бы не уступал аналогичным кабинетам школ Витебска.

Учащиеся средней школы очень любили заниматься в физическом кабинете. А Петр, как преподаватель физики, этим пользовался умело. Все свободное время в кабинете они пилили, строгали, клеили, сверлили, паяли и рисовали. Для старшеклассников он потом организовал фотокружок и кружок астрономии.

— До звезд ли нам, Петр Миронович? — удивились поначалу его воспитанники. — На земле хватает забот!

— Человек должен стремиться постигнуть тайны Вселенной. «Если звезды зажигаются, значит, это кому-то нужно», — процитировал он своего любимого поэта Маяковского. — По звездам можно определить стороны света. А если попал в лес и заблудился, по солнцу и звездам всегда можно найти дорогу домой.

Внешне спокойный, тактичный, он умел сдерживать свои чувства. Петр был отзывчивым человеком, ненавидел равнодушие. Школьники тянулись к нему, потому что знали: что бы в их жизни ни случилось, молодой учитель переживания школьников воспримет как свои, поймет и поможет разобраться».

А вот что вспоминал в феврале 1973 года сам Петр Миронович о первом годе своей работы в Россонской средней школе:

«Мой первый выпуск... Прислали письменные работы по математике. Их должны были выдать на следующий день, за два часа до экзаменов. Павел тогда работал в районо и предложил:

— Может, хочешь посмотреть контрольные?

Я спрашиваю: «А порядок какой?»

— По правилам — завтра выдадут.

— А как ты думаешь, очень сложные?

— Очень, — ответил брат.

— Нет, не буду смотреть.

Перед экзаменом директор дал для 10-го класса конверт. По тригонометрии. Задачи элементарно простые. Подумал: как же быть? В классе есть двоечники, у них за весь год по всем четвертям двойки. Однако чувствую, что даже они эти задачи решат. И действительно, четверо из неуспевающих справились с задачами. Через день сообщили, что в Клястицкой школе никто не решил, даже сам учитель сделал заключения, что условия неправильные. Или такой случай. Дал как-то на дом задание. Ночь просидел и не решил. Никто из учеников тоже с заданием не справился. В учебнике Рыбкина большинство задач — со «звездочками». И все же решили задачу. Не хватило урока, заняли следующий — физику. И справились.

Зато могу похвастаться. Из Россонской школы мои ученики поступали в Ленинградские институты, в основном технические. (До Ленинграда было легче добираться, чем до Витебска.) Ни один из учеников не провалился. За два года не было случая, чтобы не поступили, даже при конкурсах. Вот какие молодцы! Я к чему веду разговор? Нужен хороший учитель, который умеет хорошо учить. Ребята способные. Могут овладеть очень сложными вопросами! Всем учащимся труднее всего дается математика. Но даже тех, кому она наиболее трудна, можно научить. Я вел математику с 9-го класса, а если бы с 7-го?! Каких бы талантливых учеников воспитал!»

Некоторые штрихи к портрету П. М. Машерова в годы его работы учителем и в последующие годы добавляют воспоминания приемной дочери Петра Мироновича — бывшей учительницы начальных классов средней школы № 87 г. Минска Л. Я. Мельниковой (Дерюжиной):

«Больше всего запомнилось, как Петр Миронович играл разные роли в молодежном театре в Россонах. Иногда он надевал на голову гладкий рыжий парик. Не случайно, видимо, дети прозвали его Дармидоном... Но он не обижался на них.

Когда мы переехали из Латвии, он помог выучить белорусский язык, поступить в педучилище (я же учила латышский язык). Помню, когда писала диктант, сделала 101 ошибку. Расплакалась. Но Петр Миронович успокоил. Позднее моих сестер устроил в детский дом...

Однажды спросил у меня:

— Как ты думаешь, какая самая престижная наука?

— Химия, — ответила я, ибо мечтала стать химиком.

Ожидала его похвалы, а он в ответ:

— Психология...

Через много лет поняла, что он был прав... Нужная наука психология. Ведь именно она помогает понимать людей...»

В беседе с ближайшим соратником П. М. Машерова — бывшим вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, Председателем Совета Министров БССР

А. Н. Аксеновым я услышал от него такие слова: «Многие партийные работники за глаза называли Петра Мироновича «большим учителем» или «учителем с большой буквы».

Будучи еще студентом исторического факультета, автор этих строк в 1959—1960 годах, выполняя общественное поручение — агитатора на выборах, оказался в квартире секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова и встречался с его супругой Полиной Андреевной. Она отметила, что уже со школьных лет у Петра Мироновича выработывался характер, главной чертой которого была настойчивость в достижении цели. Он был очень целеустремленным и никогда не отступал, не решив того или иного вопроса. Будучи уже на ответственной партийной работе, Машеров старался оставаться воспитателем, педагогом. «Такова профессия учителя, — говорил Петр Миронович, — умело, тонко воспитывать людей, делать их хорошими, пробуждать у них благородные чувства».

Война

...Влюбленный в свое дело педагог Машеров строил светлые мечты: сдача экзаменов в аспирантуру, интересная научная работа...

Но все планы молодого учителя Петра Машерова перечеркнула война. И вот вместо заявления в аспирантуру он несет в военкомат заявление с просьбой направить его на фронт. Ему отказывают, как и многим другим. Но вскоре в Россонах из нескольких сотен добровольцев создается истребительный батальон. Сюда и направили Петра Машерова.

Долгие годы в официальных материалах и многочисленных публикациях о жизни и деятельности Петра Машерова ничего не говорилось о его пребывании в плену. Мы коснемся этой «деликатной» темы.

Дело обстояло так. Почти безоружные россонские добровольцы из истребительного батальона вместе с отступающими частями Красной Армии отходили на восток. Однако через три дня, 24 июля 1941 года, при переходе в районе Невеля Ленинградского шоссе, густо забитого немецкими войсками, кольцо окружения замыкается. В районе местечка Пустошки Калининской области Петр Машеров с группой бойцов попадает в плен.

Глухой ночью 28 июля Петру Машерову удалось бежать из плена. Таким образом, он находился в плену... всего четыре дня.

....5 августа 1941 года Петр Машеров добрался до родительского дома в Россонах, которые были заняты немцами. Он устроился работать счетоводом в нераспущенный колхоз «Россоны» и учительствовал в школе.

На рассказе Машерова в его личном деле о работе в Россонах в 1941 — начале 1942 года кто-то пометил: счетоводом девять месяцев, учителем три месяца.

Освоившись в новой ситуации, Петр Машеров организует в Россонах комсомольско-молодежное подполье, главным образом, из своих выпускников и учителей. В группу вошли учителя Сергей Петровский (бывший заведующий районным парткабинетом), Виктор Езутов, Владимир Ефременко, медсестра Маруся Михайловская и другие. Подпольщики занялись сбором оружия, сведений о немецких гарнизонах, подбором надежных людей, оработали явки.

Вскоре Машеров встретился с секретарем Россонского подпольного райкома партии Варфоломеем Лапенко, который был оставлен для работы в тылу врага. Выполняя его указания, «Дубняк» (подпольная кличка Петра Машерова. — Э. И.) смело налаживал связь с подпольными группами, действовавшими в Альбрехтове, Клястицах, Соколищах, Юховичах, Ровном Поле, Миловидове и других населенных пунктах Россонского района.

Среди активистов комсомольско-молодежного подполья была и Полина Андреевна Галанова — по профессии зубной врач. Работая в госпитале, она при отступлении попала в плен, а затем по дороге в Полоцк совершила побег. С ней и связал свою судьбу Петр Машеров.

Весной 1942 года гестапо напало на след подпольщиков, которые узнали об этом. И тогда по сигналу Машерова 19 апреля 1942 года подпольщики покинули Россоны. Их было 15 человек, главным образом, старшекласники Россонской и Клястицкой средних школ. Так в Россонском районе из участников патриотического подполья был образован партизанский отряд во главе с Петром Машеровым. До июля 1942 года он действовал самостоятельно и именовался отрядом «Дубняка».

Вскоре отряд «Дубняка» влился в состав бригады «За Советскую Белоруссию». Затем он был переименован в отряд имени Н. А. Щорса, который действовал на территории Россонского, Дриссенского, Освейского районов БССР, а также в соседних районах РСФСР и Латвийской ССР...

Отряд разбили на взводы, ввели воинскую дисциплину. Командиром отряда избрали Петра Машерова, заместителем Сергея Петровского, начальником штаба — Петра Гигелева. Его брат — политрук Николай Гигелев стал комиссаром отряда, а ответственным за разведку стал «Ворон» (Володя Хомченковский).

На счету партизан-щорсовцев числилась не одна боевая операция. Особенно дерзкой была операция 2 мая 1942 года у Клястиц. Засаду устроили днем. 14 смельчаков буквально изрешетили вражескую машину, изъяли важные документы. В списке людей, подлежавших аресту, значилась и фамилия Машерова. «Опоздали ищейки», — только и усмехнулся он.

Но в том бою Петр Миронович получил серьезное ранение. Надвигалась цепь карателей. Тогда он принял рискованное решение: ползти не в лес, а к поселку, куда ближе и где можно быстрее укрыться от преследователей. След был запутан. Семья поляков Масальских, куда доковылял Петр Машеров, приютила и выходила командира партизанского отряда имени Щорса.

Потом снова были смелые налеты народных мстителей, засады под носом у гитлеровцев, мощные взрывы на железных дорогах... В одном из боев Машеров получил второе ранение. В суровую пору военного лихолетья, в 1943 году, он стал коммунистом.

В представлении к правительственной награде партизанское командование писало: «Благодаря хорошей сплоченности созданного и воспитанного товарищем Машеровым отряда имени Щорса, благодаря личной инициативе, находчивости и смелости своего командира отряд отлично выполнял любую поставленную задачу».

Изучая архивные материалы, обращаешь внимание на слово «первый» рядом с фамилией Машерова: первым создал комсомольско-молодежное подполье, организовал первый на Россонщине партизанский отряд, первым поднялся в атаку...

Организатор подполья, опытный воспитатель, боевой командир П. М. Машеров в марте 1943 года назначается комиссаром партизанской бригады имени К. К. Рокоссовского, которая летом 1943 года по решению партийных органов и Белорусского штаба партизанского движения передислоцировалась из Витебской в Вилейскую область.

В то время это была одна из самых боеспособных бригад на территории Беларуси. Кроме Витебской и Калининской областей она действовала в Поставском, Дуниловичском, Докшицком, Миорском, Глубокском и Мядельском районах Вилейской области. Командиром бригады в то время был Александр Васильевич Романов.

В марте 1943 года входящие в бригаду имени Рокоссовского отряды имени Щорса, имени Котовского, имени Сергея и имени Ленина вместе с отрядами Дриссенской бригады участвовали в штурме вражеского гарнизона в д. Кохоновичи Освейского района, вели оборонительные бои с карателями в Освейском

и Россонском районах. В июне 1943 года бригада совершила боевой марш из Россонского района в Поставский район, во время которого вела бои с врагом при переходе через железную дорогу Полоцк—Дрисса и форсировании Западной Двины, напала на гарнизон в Миорах.

В сентябре 1943 года Петр Машеров выдвигается на должность первого секретаря Вилейского подпольного обкома комсомола. В то время под его руководством работало 20 районных комитетов комсомола. Именно тогда, на посту комиссара бригады и руководителя комсомольского обкома в грозные годы войны сформировался замечательный организаторский талант Петра Мироновича, который блестяще проявился и в последующие годы.

Хочется упомянуть об одной интересной детали. Летом 1944 года командование бригады и подпольный обком партии представляли Машерова к награждению орденом Ленина. Но начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин, ознакомившись с боевыми заслугами Петра Мироновича, «поднял выше» и написал, что он заслуживает звания Героя Советского Союза. На этом документе ниже имеется короткая резолюция первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко: «Поддерживаю».

Когда решение уже было принято, появилась информация контрразведки: герой, оказывается, в начале войны был в плену. Пономаренко, предварительно посоветовавшись с Зимяниным, позвонил Цанаве, который ответил, что дело Машерова закрыто.

Указ был опубликован в августе 1944 года (подписан 15 августа 1944 года. — Э. И.).

В нем говорилось, что этого высокого звания Машеров удостоен за героизм и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Боевые соратники Петра Мироновича считают, что звание Героя Советского Союза он получил за дерзкую и важную в стратегическом отношении операцию по взрыву моста в Верхнедвинске (Дриссе). Тогда Петр Машеров с партизанами выбил немцев, охранявших мост, и взорвал его. Между прочим, взрывчатку пришлось доставлять на плоту по реке.

На комсомольской и партийной работе

В июле 1944 года Петр Машеров стал первым секретарем Молодечненского обкома комсомола, а через два года — с июля 1946 года — секретарем ЦК ЛКСМБ. Уже в октябре 1947 года он избирается первым секретарем Центрального Комитета комсомола Беларуси, то есть руководителем комсомола республики. Почти семь лет Машеров находился на этом посту и приобрел за это время большую популярность и авторитет среди молодежи Беларуси.

В июле 1954 года Петр Миронович был избран вторым секретарем Минского обкома партии, а через год — в августе 1955 года — первым секретарем Брестского обкома партии.

Перед нами один из документов, хранящихся в бывшем текущем архиве ЦК КПСС (ныне ЦХСД). Это представление отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам на утверждение П. М. Машерова первым секретарем Брестского обкома КП Белоруссии. Приведем документ полностью.

ЦК КПСС

ЦК Компартии Белоруссии просит ЦК КПСС утвердить тов. Машерова П.М. первым секретарем Брестского обкома партии. Ранее работавший в этой должности тов. Киселев Т. Я. избран секретарем ЦК КП Белоруссии.

Тов. Машеров П. М. 1918 года рождения. Белорус. Член КПСС с 1943 года, образование высшее — окончил педагогический институт. В период Великой Отечественной войны принимал активное участие в партизанском движении в Белоруссии, был командиром отряда и комиссаром партизанской бригады, секретарем подпольного обкома комсомола. За мужество и отвагу, проявленную в борьбе с немецкими захватчиками, удостоен звания Героя Советского Союза. С 1947 по 1954 год тов. Машеров был первым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии и с 1954 года работает вторым секретарем Минского обкома партии.

ЦК КП Белоруссии характеризует тов. Машерова как подготовленного и обладающего организаторскими способностями работника, пользующегося авторитетом в партийной организации республики. Тов. Машеров является депутатом Верховного Совета СССР и кандидатом в члены бюро ЦК КП Белоруссии.

В августе 1955 года на очередном пленуме Брестского обкома КП Белоруссии тов. Машеров с согласия ЦК КПСС был кооптирован в состав обкома и избран первым секретарем этого обкома партии.

В КПК при ЦК КПСС и секторе единого партбилета тов. Машеров проверен, замечаний нет.

Просьбу ЦК КП Белоруссии об утверждении тов. Машерова П. М. первым секретарем Брестского обкома КП Белоруссии Отдел поддерживает. Вносим на рассмотрение ЦК КПСС.

11 августа 1955 г.

*Зав. Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам
(Е. Громов).*

С апреля 1959 года Петр Машеров работает секретарем ЦК Компартии Белоруссии, а с декабря 1962 года — вторым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии.

Это был самый последний период его относительно недолгой жизни — с марта 1965 до начала октября 1980 года, период, когда Петр Машеров был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Последних пятнадцать с половиной лет из шестидесяти двух. Ровно четверть его жизни.

С именем Петра Машерова связаны значительные успехи белорусского народа в развитии экономики, науки и культуры.

Особенно это проявилось в результатах восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). За это время объем промышленной продукции БССР увеличился почти в 1,8 раза, в том числе топливной промышленности — в 2,9 раза, химической и нефтехимической — в 3,3, машиностроения и металлообработки — в 2 раза. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составили 12,4 % в сравнении с 10,8 % в предшествующем пятилетии. Росту производства содействовало некоторое усовершенствование организации труда, системы материального стимулирования, повышение творческой активности рабочих.

В 1970-е годы в Беларуси продолжалось расширение материально-технической базы промышленности, происходили изменения ее отраслевой структуры, повышалась концентрация производства, строились в основном крупные предприятия, оснащенные передовой техникой и специализированные на выпуск продукции машиностроения и металлообработки, химической, легкой, пищевой и других отраслей промышленности.

В 1965 году началась промышленная разработка первого в Беларуси Речицкого нефтяного месторождения. За десять лет было добыто 43,8 миллиона тонн нефти, в том числе 8 миллионов тонн в 1975 году.

Титанический труд первого секретаря ЦК КПБ по руководству нашей республикой приносил ощутимые результаты. В 1976 году удельный вес БССР в общесоюзном производстве минеральных удобрений составлял 12,4 %, в том числе калийных удобрений — 42,8, химических волокон и нитей — 15,7, металло-

режущих станков — 14,1, тракторов — 15,4, грузовых автомобилей — 5,2, подшипников — 13,9, льняных тканей — 10,7, наручных часов — 12,6, телевизоров — 7,6, мотоциклов — 22,3 %.

Вместе с тем структура промышленности, которая сложилась в результате централизованного планирования, поставила Беларусь в зависимость от поставок металлов, нефти, других видов сырья. Резко увеличилось производство средств производства и военной продукции, товаров, которые не попадали на потребительский рынок. Промышленное строительство велось без должных природоохранных мер, в результате возникли очаги экологической угрозы, в частности в Солигорске, Новополоцке, Могилеве и других индустриальных центрах.

Одной из главных проблем, которые постоянно волновали Петра Миرونвича, было развитие сельского хозяйства. Его постоянно видели в колхозах и совхозах, в мелиоративных организациях и на испытательных станциях. По инициативе Машерова значительные изменения произошли в сельском хозяйстве республики. Во второй половине 1960-х годов урожайность зерновых поднялась с 11,5 центнера до 16 центнеров с гектара, а их валовый сбор вырос на 900 тысяч тонн. В колхозах и совхозах стало больше крупного рогатого скота.

Использование государственных средств позволило колхозам и совхозам приобретать значительное количество техники, повышать уровень механизации труда. Значительно выросли энергетические мощности сельскохозяйственного производства.

Осуществлялись меры по специализации, мелиорации и химизации сельского хозяйства. Площадь осушенных сельскохозяйственных угодий в республике достигла 2,5 миллиона гектаров. На мелиорированных землях выращивалось 30 % продукции растениеводства.

Машеров любил республиканские семинары по разным проблемам народного хозяйства — в Союзе они не практиковались, а в республике давали хороший результат, вдохновляли. Каждый участник такого семинара имел возможность и себя показать, и на других посмотреть. Он возвращался домой и засучивал рукава, будучи уверенным, что новое приживется и обязательно получится.

Еще в 1970-е годы Машеров поднял вопрос о замене административных, или, как он говорил, «телефонных» методов руководства экономическими. Он предлагал коренным образом изменить систему обучения и воспитания, положив в его основу труд. Петра Миرونвича привлекало наукоемкое производство. Именно Машеров буквально заставил исключить из практики все старые семена зерновых и пропашных культур и заменить их новыми, высокоурожайными. Можно сказать, что стихией его жизни были поиск и новаторство по многим вопросам.

Наряду с положительными качествами в характере Петра Миرونвича, как и у каждого человека, были и отрицательные качества, наблюдались просчеты в хозяйственной деятельности, в национальной политике.

Интересную, в какой-то степени оригинальную оценку просчетов деятельности Машерова дал ответственный партийный работник, писатель Алесь Петрашкевич:

«Об этом неординарном человеке написано немало. Но правдивый облик его, как мне кажется, не раскрыт. Более того, фантазии одних создали из него почти святого от власти. Для других он бесспорный монумент советско-большевистского рыцаря без страха и упрека. Между тем, Машеров был сложной, неоднозначной, даже трагической фигурой. И — обыкновенным человеком, волею судьбы оказавшимся в обстоятельствах, когда не только история творит личность, но и личность историю.

Был ли он счастлив? Сомневаюсь. На таких властных высотах счастливыми могут быть лишь люди, не обремененные высоким интеллектом...

Судьба моя сложилась так, что я имел возможность более 20 лет наблюдать за Петром Мироновичем, притом лет 13 из них не со стороны, а, как говорят, непосредственно...

Я видел, как счастлив был Петр Миронович, когда получил от «центра» огромные, как тогда казалось, деньги на так называемое «преобразование Полесья», а точнее — на его осушение. Каким растерянным и раздраженным он был, когда небольшая группа писателей и ученых выступила против тотальной мелиорации. Он недоумевал, как это образованные, интеллигентные люди не могут понять и принять того счастья, которое он несет людям извечно забитого Полесья, веками гниющего в болоте. Он был сконфужен, возмущен и разгневан на псевдонауку и ученых-мелиораторов, когда понял, что целому краю, его природе нанесен непоправимый вред, не получилось того эффекта, на который рассчитывали. А изувеченной оказалась не только природа, но и уклад жизни полешуков. Их традиционная культура, их мораль...

Другим разочарованием и скорбью был крах его романтической идеи сплошного и быстрого переустройства села в масштабах всей республики. Из 33 тысяч населенных пунктов Беларуси более 30 тысяч были объявлены неперспективными, а примерно 2500—2700 должны были превратиться в агрогородки с приличными условиями существования...

Через 10 лет такой неперспективной жизни тысячи деревень опустели и зияют сегодня черными дырами гнилых оконных проемов. Исправить, восстановить, отстроить все это уже никто не сможет, ибо уже некому».

Что касается мелиорации, то она нередко проводилась некомпетентно, не учитывала требований охраны окружающей среды, что вело к обострению экологических проблем.

Между прочим, сам Машеров горько переживал, что в засуху в Полесье нет воды, что «теоретики и практики» загубили целый край.

Многие ученые и архитекторы, которые сегодня критикуют деятельность Машерова, забыли, как они сами носились с навязчивыми идеями, обставляли с помпой свои лжепроекты, толпились у кабинета Машерова и других секретарей ЦК КПБ. Машеров прежде всего был руководителем, привыкшим полагаться на мнение специалистов. И как человек увлеченный, романтик в душе, иногда слишком доверял этим ученым и архитекторам и нередко поддавался заманчивости той или иной идеи.

Бывший помощник первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова, известный белорусский журналист Владимир Величко отмечает:

«Новую жизнь Машеров связывал с научно-техническим прогрессом и универсальными нравственными ценностями. Правда, в тогдашнем обществе, где господствовала полная догматическая идеология, всякие «местечковые» инициативы не приветствовались... «Отступников» по головке не гладили. Петр Миронович не шел открыто в пику, а осторожно и осмотрительно вел свою линию. В республике, с одной стороны, всячески поощрялось применение высоких технологий, с другой, путем создания широчайшей сети народных университетов нравственного воспитания и образования у населения формировалась высокая этика деловых, бытовых и межличностных отношений...

По натуре Машеров был реформатором-романтиком. Он все делал для того, чтобы адаптировать нашу цивилизацию к новейшим технологическим возможностям XX века. Для него реальным делом была наукоемкая модель, которая шла на смену модели энергоемкой, высокоурожайные сорта зерновых и пропашных культур, получавших прописку на наших полях. К решению этих глобальных проблем он активно подключал вузы и научно-исследовательские институты».

С именем Машерова связано строительство Минского метрополитена.

Дело в том, что при обсуждении вопроса о строительстве метрополитена в Минске заместитель Председателя Госплана СССР В. Исаев сказал, что «нет возможности начать строительство метрополитена даже в таких городах, как Горький и Новосибирск».

14 июля 1975 года П. Машеров, учитывая складывающуюся ситуацию, полный решимости отстоять интересы столицы БССР, направил письмо лично генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. Он писал:

«...Как выяснилось в последнее время, Госплан СССР при разработке плана развития народного хозяйства на 1976—1980 гг. не предусматривает строительство метрополитена в г. Минске, а это создает в дальнейшем... чрезвычайные трудности в обслуживании населения столицы республики пассажирским транспортом...

ЦК КП Белоруссии просит положительно решить вопрос о начале строительства метрополитена в г. Минске в 1977 году с вводом в действие первой очереди его в 1982—1983 годах».

Всемогущее слово Генсека поставило точку в дискуссии руководителей БССР с Госпланом СССР. Л. Брежнев поддержал П. Машерова.

Петр Миронович уделял неослабное внимание подъему и расцвету науки и культуры Беларуси.

По инициативе Машерова в 1969 году во главе Академии наук БССР стал способный организатор науки, видный ученый-физик Н. А. Борисевич, который находился на этом посту 18 лет (1969—1987).

По некоторым направлениям научных разработок в БССР были достигнуты результаты, которые получили признание не только в СССР, но далеко за его пределами. Петр Миронович гордился, что лауреатами Ленинской премии стали академики АН БССР М. А. Ельяшевич (1966, за научные труды в области физических наук), В. П. Платонов (1978, за цикл работ «Арифметика алгебраических групп и приведенная К-теория»), Н. А. Борисевич и ученые Института физики АН БССР В. В. Грузинский и В. А. Толкачев (1980, за цикл работ по спектроскопии свободных сложных молекул), конструктор Б. Л. Шапошник (1976, за работу в области машиностроения).

Машеров способствовал интеграции науки с производством. При институтах АН БССР, высших учебных заведениях развивалась опытно-экспериментальная база. В БССР начали создаваться научно-производственные объединения. Так, в 1974 году впервые в Советском Союзе возникло объединение «МАЗ-БПИ», куда вошли Белорусский и Минский автомобильные заводы, Белорусский политехнический институт.

«Детищем» Машерова у нас в Беларуси называют теперь всемирно известный мемориально-архитектурный комплекс «Хатынь», который был открыт в 1969 году. Его создали архитекторы Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин и скульптор С. Селиханов.

В автобиографической повести заслуженного архитектора Беларуси, лауреата Ленинской премии и Государственной премии Республики Беларусь Леонида Левина «Хатынь» есть такие строки: «С первых дней проектирования и строительства Хатынский мемориал курировал Петр Миронович Машеров...

Становятся регулярными наши доклады на бюро ЦК КПБ, а также лично Машерову о ходе строительства и проектирования мемориала...

Машеров встречается с нами, чтобы сделать новое предложение.

Через трагедию Хатыни показать трагедию мирного населения всей Беларуси».

Петр Миронович не сразу «добился» Указа о присвоении Минску звания «Город-герой». Наиболее стойкое сопротивление оказывал Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС Н. Подгорный. Утверждают, что П. Машеров воскликнул даже: «Не хотят они, чтобы наш Минск сравнялся с их Киевом».

Шестисерийный телефильм «Руины стреляют в упор» по документальной повести собственного корреспондента «Правды» по Белоруссии И. Новикова делался с явным прицелом на то, чтобы пробить ту стену непризнания героизма минчан со стороны отдельных членов Политбюро и добиться присвоения Минску звания «Города-героя». И руководители ЦК КПБ ориентировали создателей фильма на это. Заказал фильм киностудии «Беларусьфильм» Государственный Комитет СССР по телевидению и радиовещанию. Фильм был сделан в 1971 году.

Н. Подгорный потребовал, чтобы Комитет по телевидению и радиовещанию доставил ему фильм на дачу. Посмотрел и молча вернул — никакой оценки. Слишком осторожный председатель Комитета С. Лапин, не получив указания начальства, пускать фильм на телеэкран не решился, положил его на полку. Почти на три года. И все ходатайства о присвоении городу высокого звания натыкались на ту же преграду — Н. Подгорного.

В беседе с автором этих строк И. Новиков вспомнил, как Петр Миронович рассказал ему о дальнейшем развитии событий. После заседания Политбюро ЦК КПСС П. Машеров обратился к Л. Брежневу:

«Леонид Ильич, белорусские кинематографисты сделали очень интересный документально-игровой телефильм о минском подполье... Посмотрите, пожалуйста. Не пожалеете, что затратили время».

Брежнев предложил членам Политбюро: «Давайте завтра посмотрим вместе».

После просмотра Петр Миронович встал и опять обратился к Брежневу:

«Леонид Ильич, у вас давно лежит проект Указа о присвоении Минску звания города-героя. Поддержите, пожалуйста».

Генсек спросил у членов Политбюро: «Возражения есть?» Все молчали. Даже Подгорный как воды в рот набрал. «Тогда будем считать, что решение принято, — сказал Брежнев и пожал руку Машерову. И сразу добавил: — Договорились: указ будет обнародован накануне 30-летия освобождения Минска от фашистов»,

С именем Машерова связано создание мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» в 1969—1971 годах на территории Брестской крепости, открытие в 1969 году Кургана Славы Советской Армии-освободительницы Беларуси — памятника в честь подвига воинов 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов в Белорусской операции 1944 года, возведенного на 21-м километре шоссе Минск—Москва, мемориального комплекса «Прорыв» в честь прорыва вражеской блокады партизанами 5 мая 1944 года в ходе Полоцко-Лепельской битвы 1944 года, созданного в 1974 году на месте боев между деревнями Паперино, Плина и Новое Село, в 7 километрах от городского поселка Ушачи.

Вспоминая о своих встречах с Машеровым, известный скульптор, народный художник Беларуси Заир Азгур писал: «Знаменитый комплекс «Прорыв» на Витебщине и трагедийно величественная Хатынь под Минском, Курган Славы на Московском шоссе и монумент в честь матери-патриотки в Жодино, памятник Освободителям в Витебске и комплекс на месте сожженной деревни Дальва... Каждое из этих памятных мест отмечено заботой и поистине творческим вниманием П. М. Машерова...

Правда, однажды он мне показал эскиз будущего Кургана Славы Советской Армии — освободительницы Беларуси и как-то умышленно отошел к окну, будто бы всматриваясь в городской пейзаж, который открывался за стеклами, — со сквером и театром имени Янки Купалы, с фонтаном «Мальчик и лебедь». Я увидел на листе очертания будущего рукотворного кургана в честь армейского подвига наших фронтов, который сразу привлек мое внимание качеством художественного решения и народным представлением о таких памятниках в нашей

истории. Когда я об этом сказал Петру Мироновичу, он смутился и промолвил как-то торопливо, что сам он, безусловно, не художник, что это еще только набросок и над ним, нужно надеяться, еще поразмыслит и по-своему все решат настоящие профессионалы. Скажу откровенно, что и теперь Курган Славы на Московском шоссе, который притягивает к себе внимание, имеет те очертания, которые я увидел на рабочем столе Машерова. Тогда это был эскиз, набросок, рабочая гипотеза...»

Когда Машеров обстоятельно разобрал 6-томную историю Великой Отечественной войны и сделал ряд замечаний, секретарь ЦК КПСС Черненко не удержался и сказал Брежневу: «Машеров умничает».

Именно по инициативе Петра Мироновича началась подготовка к изданию фундаментального труда «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» в трех томах. Ему не было суждено познакомиться с книгами лично, потому что это уникальное издание вышло уже после смерти Машерова в 1983—1985 годах.

В 1976—1979 годах заведующим отделом культуры ЦК КПБ был белорусский писатель Алесь Петрашкевич. В документальном повествовании «Петр Машеров: «Теперь я знаю...» он писал: «Может, кто-нибудь и слышал от П. М. Машерова слова раскаяния в том, что именно в годы его правления в белорусской столице были закрыты последние белорусские школы. Мне слышать этого не довелось. На чужом, хотя и близком языке функционировали все высшие и средние учебные заведения, вся партийно-государственная машина. При нем почти все газеты были переведены на язык метрополии, а тиражи белорусских книг удерживались в мизерном проценте от тиражей на русском языке, а в престижные правительственные концерты попадали лишь этнографические национальные «вставки и т. д., а уж это мне известно доподлинно. Пожалуй, Петр Миронович, при всей его образованности и интеллигентности, разделял идею слияния всех языков в один великий и могучий, а культуру будущего представлял в виде некоего конгломерата культур, сперва обогащающих друг друга, а потом и вовсе сливающихся в нечто одно грандиозное. А может, и он понимал абсурдность происходящего и ждал времени, когда там, наверху, пройдет одурь?»

Народный писатель Белоруссии, член ЦК КПБ, председатель Верховного Совета БССР Иван Шамякин много раз встречался с Петром Машеровым, близко его знал.

В своих воспоминаниях он отметил: «Много хорошего сделал этот человек и для экономики, и для культуры. Но... но нелегко писать про него, потому что лично и до сих пор не могу объяснить политически, философски эту вопиющую противоречивость. Откуда она у довольно умного человека? От идеологической заикленности? Заиклены мы были, пожалуй, все, но не в такой же мере. Все понимали ненормальность политики, которая проводилась.

Понимал же Машеров, что без культуры не будет нации, старался помочь ей. А во имя чего? Ради чего? Ради отчета? Исчезал же язык народа — основа национальной культуры. Эти вопросы мы ставили и тогда, эта боль обжигала, и мы кричали. Говорили и Машерову, и он как будто соглашался. Но русификация не прекращалась, она шла так же интенсивно, как при Гусарове (так он же русский), при Мазурове; даже русак Пономаренко не позволял таких поворотов, когда газеты западных областей, районов, «Сельская газета» переводились на русский язык. Процесс этот не был стихийным. Он поощрялся при застенчивом молчании многих. Белорусский учитель, который хорошо знает родной язык (поэму «Сказ про Лысую гору» читал на память с прекрасным произношением). Машеров ни разу — ни на одном пленуме, совещании, съезде, сессии, торжественном заседании — не выступил по-белорусски. И в частном разговоре с нами, писателями, не пользовался им. Т. Я. Киселев с Бровкой, Танком, со мной, с другими писателями говорил на родном языке. А Машеров как бы демонстрировал свою русскость.

С научной и творческой интеллигенцией.

И это действовало быстрее, чем любые постановления, — такой пример первого лица в республике. Кроме нас, писателей, никто не выступал по-белорусски — ни один идеолог всех рангов — от ЦК до райкомов, министр культуры, даже наши коллеги из творческих союзов. Исключением на республиканском уровне был один министр просвещения Михаил Гаврилович Минкевич, светлая ему память.

Все это действительно тяжело объяснить. Такая была уверенность, что в скором времени, при близком коммунизме, нации сольются и языки отомрут? Неужели было? Или было сильное давление из Кремля: «Никаких уступок национализму!»? Однако в других республиках процесс так не форсировался...

Нужно отметить, что рядом с большими, немощными и засыпающими на ответственных заседаниях членами Политбюро ЦК Компартии Советского Союза Машеров выглядел непростительно молодым. Когда Брежнев в 1978 году с большим опозданием вручал ему Звезду Героя Социалистического Труда, он грубо оборвал Машерова, когда тот выступал с ответной речью.

Пройдет два года, и на похороны Петра Мироновича Брежнев пришлет именно секретаря ЦК КПСС Зимянина, прекрасно зная, что у Машерова с ним были прохладные отношения.

Леонида Брежнева насторожил еще один факт. Один влиятельный журнал провел опрос среди американских конгрессменов накануне выборов в президенты: кто из зарубежных лидеров мог бы стать президентом США, кого видят они на месте Брежнева?

Многие ответили неожиданно: Машерова. Для Кремля это была пугающая информация, о которой знали только в ТАСС, но от газет и радио эту информацию скрыли. Есть основания полагать, что такую популярность у американцев Петр Миронович приобрел после визита на Кубу и успешных переговоров с Фиделем Кастро.

П. М. Машеров как человек

Люди, близко знавшие Петра Мироновича, отмечают такие черты его характера, как правдивость и аккуратность.

Удивительными чертами характера Машерова были скромность и требовательность к себе. Было общеизвестно, что Петр Машеров был героем Великой Отечественной войны. Леонид Брежнев об одном пребывании на Малой земле издал книгу и заставил говорить о ней всю страну. Машеров поступал по-иному. Он вычеркивал из текстов, которые приносили ему на визу, все страницы и абзацы, относящиеся к его собственным подвигам. В 1981 году, уже после смерти Машерова, в Минске вышла в свет вторая часть книги о Героях Социалистического Труда под названием «Труд. Талант. Доблесть». Там опубликован очерк народного писателя Беларуси Ивана Шамякина «Подвиг ратный и трудовой», посвященный П. М. Машерову. В нем есть такие строки:

«Написать о нем хотелось много, но не позволила скромность Петра Мироновича. Создателям этой книги он сказал: «Обо мне не больше, чем о любом другом Герое Труда».

Простота, заинтересованность, искренность и задушевность располагали к Петру Мироновичу людей, воодушевляли, создавали атмосферу взаимного доверия и уважения, открывали простор для беседы.

Работая первым секретарем ЦК КПБ, Машеров часто приглашал работников ЦК к себе на дачу, где было много цветов, кудахтали куры, а в вольере жили косули. Петр Миронович сам формировал кроны деревьев, маленькой чешской косилкой с бензиновым движком стриг газоны. В такие минуты он казался простым и домашним.

Бывший помощник П. М. Машерова Владимир Величко замечает: «По долгу службы мне часто приходится бывать в командировках, поэтому я не понаслышке знаю, с какой теплотой люди и поныне вспоминают о незабываемых встречах с Машеровым. У него напрочь отсутствовали чванливость и высокомерие, присущие многим чиновникам той поры...

Он ценил свежую мысль, исключительно тепло относился к тому, кто был ее автором».

Любовь к музыке была с рождения. Он всегда с гордостью говорил, что нежный мамин голос часто звучит у него в ушах. Они с отцом красиво и часто пели по праздникам, бывало, и в будни. В юности Петр попробовал серьезно развивать голос, но астрономия и физика все же увлекли сильнее.

Сочувствовать и сострадать научила Петра Мироновича жизнь. Когда в двадцать один год молодой учитель получил в деревне Старые Россоны, в трех километрах от школы, свою первую квартиру, ему после ареста отца пришлось взять к себе всю большую семью, в том числе и мать, которая к тому времени осталась одна.

В интервью с журналисткой Галиной Булыкой в связи с 80-летием П. М. Машерова Полина Андреевна Машерова отметила: «...А если у человека беда случалась, он не знает что готов был сделать, последнюю рубаху снять, только чтобы ему помочь. Он очень жалостливый был. Помните, завод футлярный взорвался? Мы тогда в Москве на медицинском обследовании были. Он тут же вылетел в Минск. В семье был траур...»

Машеров ходил на балет и театральные спектакли, много читал, преимущественно журналы и газеты, радовался удачам талантливых людей, особенно в области науки и культуры.

Можно привести много примеров, подтверждающих ту истину, что Петр Машеров был преданным сыном, мужем и отцом.

9 сентября 1942 года от рук гестаповцев погибла мать Петра Мироновича — Дарья Петровна. Сын до конца жизни чувствовал себя виноватым, что

не спас мать, считая, что она погибла из-за него. Будучи первым секретарем ЦК, пролетая над Витебщиной, Машеров всегда отмечал на карте две личные точки, где обязательно надо было приземлиться. Первой из них было посещение могилы матери. Он молча входил в оградку простого сельского кладбища. Петр Миронович стоял, склонив голову. Он гладил руками надгробье и тихо шептал: «Прости». Ему казалось, что материнское сердце продолжает биться в его собственной груди, что мать слышит и понимает.

Петр Миронович Машеров трагически погиб в авткатастрофе 4 октября 1980 года на 63-м году жизни. Он похоронен на Восточном кладбище в Минске. В Витебске установлен памятник Машерову. Его именем назван один из красивейших проспектов в Минске, улицы многих населенных пунктов Беларуси, Витебский государственный университет, различные предприятия и организации нашей республики.

В интервью газете «Советская Белоруссия» в феврале 1993 года тогдашний глава правительства нашей республики Вячеслав Кебич сказал: «Он гордился своим народом и дорожил землей, на которой родился. Он был красив и обаятелен, талантлив и умен. Его речи всегда воспринимались людьми, его ораторским искусством восхищались и всенародно любили — без лести, без словесного холуйства. Таким был, есть и останется в людской памяти Петр Миронович».

Нельзя не согласиться со следующими словами его ближайшего соратника А. Н. Аксенова, сказанными им на юбилейном собрании в городе Минске, посвященном 85-летию со дня рождения П. М. Машерова:

«Теперь о Петре Мироновиче Машерове как личности.

Машеров — это человеческая глыба. Это личность былинная, глубоко народная. О таких людях в прошлые века слагали легенды. Он материализовал собой и поистине масштабно воплотил в себе менталитет белорусского народа: его мудрость и мужество, его трудолюбие, его рассудительность и скромность, простоту и бескорыстную доброту. Его глубокое уважение к другим народам. И таким он вошел в историю как политический деятель и как личность. И это он подтвердил всей своей жизнью, своими делами, своей борьбой за счастье людей. Он любил людей, отдавал им ежедневно свое сердце и свою душу. Во имя людей он не щадил себя, работал самоотверженно и талантливо. Он весь до последнего вздоха отдавался делу, в идеалы которого верил. И это придавало его деятельности особую, я бы сказал, романтическую окраску и возвышало ее. Это была могучая и цельная личность, полная ума и обаяния. И за все это его глубоко уважали и по-доброму любили наши люди».

Фото Юрия Иванова.

